

Данталиан, Король простолюдинов 71-го ранга

11.03.1506 год по Имперскому календарю

Нярисская равнина, военный лагерь на равнине

- Ш-ш.

Меня разбудила Барбатос.

- Тихо.

Мое тело было изнурено после игр с Барбатос, начиная с полудня, так что я заснул. Барбатос тоже должна была бы быть не совсем в порядке от усталости, но в эту ночь, в эту грандиозную ночь, когда не слышно было даже звуков птиц, она меня разбудила. Для справки, люди, которых я больше всего презираю в мире, это те, кто будят меня, когда я сплю. Люди, которые будят остальных, все психопаты и душевнобольные. Я не приму никаких доводов в пользу иного.

- Что-то случилось?

- Тихо иди за мной.

Барбатос понизила голос и захихикала. Хотя она и сказала мне идти за ней, она резко схватила мою руку и потянула за собой. Мы с Барбатос были в том состоянии, когда на нас не было ни единого лоскутка, это значит, что мы были нагие. Мой Бог. Барбатос пыталась вытянуть меня за пределы помещения совершенно голым. У меня не было выбора кроме как быть шокированным.

- Эй, ты с ума сошла?

- Я покажу тебе что-то хорошее.

- Я не знаю, что это, но я не могу выйти на улицу голым!

- Я сказала тебе тихо, идиот.

Барбатос продолжала хихикать. Это была девушка, у которой ни на йоту здравого смысла. В этой девушке отвратительно было то, что, будучи бесчувственной, она обладала непомерно мощной хваткой. Откуда же в этом маленьком теле бралась такая сила? Когда Барбатос тянула меня за собой, я беспомощно тащился, как соломинка, плывущая вниз по реке. О Господи. Эта безумная сучка действительно вытянула меня из палатки!

Стояла поздняя ночь, так что в лагере было тихо. Лишь кое-где в отдалении мелькали разбросанные факелы в руках патрульных. Я взвизгнул.

- Спаси меня, буддистская Богиня Милосердия!
- Тю, ты заткнешься или нет? Ты и правда не обращаешь внимание на то, что говорят другие люди, да?
- Это ты мне говоришь? А? Это ты мне сейчас говоришь это?
- О, Жар Утешения.

Барбатос подула в ладонь. Затем Барбатос коснулась моего лица, шеи, плеча, груди и зада своей правой рукой. В тот момент, когда она сделала это, теплый жар стал распространяться с тех мест, которых коснулась Барбатос. Дико холодный зимний ветер стал такой же теплый, как вечер ранней осенью. Снежная крупа летела в воздухе с неба и таяла, не достигая моей кожи.

- Теперь лучше?
- Спасибо, я тебе благодарен. Я правда благодарен, но есть более основательная проблема, ты разве не думаешь, что, возможно, есть более основательная проблема?
- То, что ты уродлив?
- Вот скотина...

- Вот дерьмо, я веду тебя показать тебе что-то хорошее, потому просто иди за мной. Было бы отлично, если бы длинным был только твой нижний инструмент, но твой язык тоже чертовски длинный. Твой язык настолько длинный, что на нем можно было бы построить ферму, ты, ни на что негодный ублюдок. Я что, должна вырвать твой хлебальник и засунуть его тебе в зад, ты, непотребное дерьмо? Ублюдок, хлопающий задом всякий раз, когда открывает рот, да выпускающий вонь испражнений от Северного до Белого моря, вот, кто ты, сучий сын. Гм? Не заставляй меня делать ту дырку для дерьма дыркой для диареи и чтобы из тебя капала дерьмовая водичка каждый раз, когда ты идешь, дилетант. Захлопни свой хренов рот и иди за мной.

- ...

Выступать против Барбатос в битве проклятий было невероятно глупо.

Поскольку я был человеком, который сам получал надлежащее образование и прекрасную утонченность с ранних дней моей жизни, а также потому, что сквернословие было языком другого мира, я мог только беспомощно позволить себя тянуть рукам злодейки по имени Барбатос. Что я могу сделать против божественного изыщества ругательств, вмещавших 500 лет ее труда. Если родиться добрым было грехом, то я был таким грешником. Я сочувственно относился к своему преступлению.

Барбатос вела меня за пределы военной базы. Несколько раз нас почти поймал патруль. Избегая охранников, мы кружили по закоулкам военного лагеря. За это время Барбатос иногда разворачивалась и целовала меня абсолютно без причины. Барбатос была девушкой, которая целовала меня, когда ей хотелось целоваться. Я мог только сдаться.

Из-за снега земля за лагерем превратилась в белое поле. Трупы были похоронены в снежном поле, а на тела падало все больше снега, который все глубже вталкивал их в землю. Когда мы достигли места, Барбатос отпустила мою руку.

– Ладно. Что ты планируешь тут делать...?

Барбатос сама пошла в направлении укрытого снегом поля.

Она воздела руки в ночное небо, откуда летел снег. Она начала петь. Желая знать, что же это за действо будет посреди ночи, я уставился на девушку. Это была песня, которая лилась не словами, а только звуком.

Барбатос смотрела на небо, словно она была святая, которой явился Бог, и словно она шла по бескрайним широким снежным полям, она притягивала вьюгу в свои руки, будто хотела исчезнуть навсегда.

Трудно было различить покрытое снегом поле и снежно белое обнаженное тело Барбатос.

Казалось, что ее песня льется из вьюги, а не из ее голосовых связок, и казалось, что вьюга рыдает в далеком зимнем небе.

— .

Там завывала зима. Холодный плач зимы легко пронзал тепло, укрывающее мою кожу. Моя шея замерзла.

Барбатос вкладывала все больше силы в свой голос и ее песня становилась все сильнее. Барбатос широко раскрыла рот, а глаза ее оставались сужены. Она приняла вьюгу, которая спустилась сверху, в свою мелодию и заставила ветер отхлынуть обратно вверх. Кажется, ее голос достиг того диапазона, который мои уши вынести не могли.

“Ах~...” – разносил шум снежный ветер.

Унесенный ветром, от одного края заснеженной земли до другого, до края леса тополей, до волка, который высунул голову из леса и тихо наблюдал за нами, до щелей у волка между зубами, до трупов, у которых лица ушли в мерзлую землю, до глаз тел, в которых застыла кровь, оттуда сюда, и даже до тех просторов, которые были дальше, чем отдаленные места, вьюга заползала в эти уголки и мелодия просачивалась вместе с ней.

Хруст.

Из-под земли поднялась гнилая рука трупа. Куски плоти были оторваны от руки и обнажали кость. На той кости можно было увидеть даже крупинцы снега. «Хруст», звук, который появлялся, когда наступаешь на снег, разнесся эхом по всей местности. Хруст, хруст, каждый раз, когда раздавалась этот звук, из снега высывалась рука. Будто они пытались что-то схватить, замерзшие руки колыхались в пустом пространстве. Сотни, тысячи рук жадно тянулись к небу.

Песня Барбатос медленно подошла к концу. Она стояла в центре, а бесчисленное множество мертвых рук вырывались из снега наверх. Смотря на скелеты, Барбатос заговорила.

— Все вы. Вернитесь к жизни.

Они все ждали той одной строки?

Движения рук трупов прекратились. В пустом пространстве, где ничего не было, руки сжали кулаки. По мере того, как вставали трупы, рассыпались кучи снега. Поскольку тысяча сугробов рассыпалась одновременно, вьюга стала сильнее, а потом медленно успокоилась. Как только она утихла, на укрытом снегом поле стояли тысячи трупов.

Барбатос выдохнула. Ее видимый белый пар от дыхания вытекал из ее губ. Я вытаращился на нее.

- Как оно было? - сделала замечание Барбатос. - Несмотря на холод, последовать за мной было хорошей идеей, не так ли?

- ... Что ты только что сделала?

- Гм? Пополнила войска, - немедленно ответила Барбатос.

Пополнила войска? Как это могло быть пополнением для армии?! Разве это не была совершенно безумная девушка?

Только что я стал свидетелем определенного уровня возможностей, который никогда не смогу достичь, как бы сильно я ни старался. Я также увидел причину, почему социальная система, подобная которой существовала в племенах, в мире демонов еще не изжила себя. Владыки Демонов были не только владыками, они были также жрецами, шаманами и святыми. Другие демоны слушались из-за той ужасающей силы, которая вмещалась в том божественном имени.

Однажды моя власть может стать столь великой, что позволит мне контролировать жизни других, как мне хочется. Однако я не смогу контролировать то, в чем нет жизни. Когда я оказался рядом с возможностями Барбатос, мои политические возможности внезапно стали смиренномудрыми. Как же мне было смириться с этим? Как мне было победить это? Не зная, как я приму тебя, я спросил:

– Барбатос, кто ты?

Барбатос прикладывалась губами к трупам. Она не делала разницы между трупами с кусками плоти и скелетами, которые свою плоть уже утратили. Она благословляла все трупы поцелуем. Ветер погнал снег через поле. Держа голову трупа в руках, Барбатос повернула ко мне только голову, чтобы взглянуть.

Она скалилась:

– Стерва.

И вследствие этого армия скелетов двинулась вперед.

<http://tl.rulate.ru/book/378/49293>